

Глава 1

Императорский дворец.

Дворец Цзюйань.

Это место издревле предназначалось для дочерей императоров династии Чжоу — здесь они жили до самого замужества. Однако единственная принцесса нынешней эпохи ещё не достигла нужного возраста и жила вместе с одной из высокопоставленных наложниц во внутреннем покое, отчего дворец Цзюйань долгое время пустовал.

Так продолжалось до тех пор, пока два года назад сюда не поселили новорождённого принца, которому едва исполнилось несколько дней от роду.

Стояла суровая зима.

В центральных покоях дворца Цзюйань было так холодно, что вода превращалась в лёд. Единственная жаровня тлела едва заметно, а углей в ней было до жалкости мало.

Ребёнок лет трёх, худой, словно истощённый котёнок, вяло привалился к краю кровати. Он послушно, глоток за глотком, пил горькое лекарство из рук молодого евнуха.

— Ваше высочество, очень горько? У меня здесь припрятан кусочек сахара.

Евнух Е Сяюань достал из-за пазухи лакомство — крошечный обломок размером с ноготь. Дешёвый сахар, который в современном мире посчитали бы пережитком прошлого, здесь был для него настоящим сокровищем, добытым с великим трудом.

Лекарство было настолько горьким, что его едва удавалось проглотить.

Цюй Дубянь покачал головой.

— Сначала допью. Потом съем.

Глаза Е Сяюаня снова покраснели.

— Ваше высочество, они просто издеваются над нами. Если бы вы не заболели так тяжело, они бы и лекарство не прислали.

О таком сахаре и говорить нечего.

Цюй Дубянь молча осушил чашу, взял предложенный кусочек и залез под тонкое одеяло, которое почти не держало тепло. Сладость медленно таяла во рту, а в душе он тяжело вздохнул.

Разница между произношением современного языка и древнего наречия оказалась огромной. Даже унаследовав воспоминания и телесные инстинкты прежнего владельца тела, он всё ещё чувствовал себя не в своей тарелке.

Он не принадлежал этой эпохе.

В прошлой жизни по воле обстоятельств он попал в популярное шоу талантов и сумел дебютировать, заняв центральное место. В том шоу он умело воспользовался кознями конкурентов и подлостью наставников, подкупленных, чтобы устранить его. Цюй Дубянь обернул их методы против них же самих, создав себе образ хрупкого и несчастного «бедняжки». Их ненависть и любовь фанатов вымостили ему путь к славе.

В итоге фанаты с самого начала шоу смотрели на него сквозь настолько толстую линзу жалости, что даже после дебюта верили: компания притесняет его и эксплуатирует до полусмерти.

Чем больше он объяснял, что компания относится к нему прекрасно, тем сильнее поклонники убеждались, что злая корпорация заставляет его лгать под страхом смерти.

Цюй Дубянь пытался убедить их:

«Я — главная дойная корова компании. Если они будут плохо со мной обращаться, это всё равно что выбрасывать деньги на ветер. Мне правда хорошо»

Фанаты же рыдали:

«Посмотрите, до чего довели нашего братика! Он вынужден выгораживать этих дельцов! Разве "дойным коровам" не приходится пахать больше всех?! Братик, ничего не говори, мы и так всё понимаем!»

Цюй Дубянь лишь вздыхал:

«...Ладно, как хотите»

Он был в шаге от того, чтобы стать айдолом номер один. Его новые фанаты под влиянием «старой гвардии» тоже считали его редчайшим в истории страдальцем. С ростом популярности и количества графиков эта вера в «нашего бедного, притесняемого мальчика» становилась только крепче.

И вот однажды, когда Цюй Дубянь пребывал в полном неведении, толпа молодых людей с криками «У братика остались только мы!» штурмовала здание компании.

В шоу он действительно много играл на публику, но и фанатов своих искренне любил. Он не стыдился своего поведения и после дебюта никогда не пренебрегал чужой преданностью. Те, кто любил его — любили до безумия, те, кто ненавидел — ненавидели люто.

В тот день он долго и терпеливо успокаивал разгневанных поклонников. Но когда он сел в машину, чтобы ехать на работу, экстремальный антифанат на грузовике протаранил его автомобиль.

Ему было всего девятнадцать. Короткая, яркая жизнь оборвалась в один миг.

Открыв глаза, он обнаружил, что стал маленьким принцем с таким же именем. Отец его не любил, мать давно умерла, а в голове поселилась странная штука под названием [Симулятор болезней].

Эх.

Цюй Дубянь невольно предался меланхолии. Интересно, впали ли в безумие его фанаты после его смерти? Смогла ли компания сдержать хаос?

Погрустив немного, он принял реальность и принялся изучать Симулятор.

Вскоре он понял, что у этого устройства нет зачатков интеллекта — оно лишь отвечало на простейшие базовые вопросы. Интерфейс был предельно скуп и состоял из трёх основных разделов:

[Способы продления жизни:]

[1. Ежедневная тренировка: +1 день жизни. Отметка в течение 15 дней даёт право на одну лотерею.]

[2. Каждая представленная работа «Очерк о болезни»: +90 дней жизни.]

[3. Каждое увеличение уровня симпатии человека, не связанного кровным родством, до 60 и выше: +1 год жизни.]

[Оставшийся срок жизни: 3 дня]

[Инвентарь симулятора: пусто]

Увидев цифру «3», Цюй Дубянь едва не разрыдался. Ладно — перерождение, но почему жизни осталось всего ничего?!

Делать было нечего. Чтобы выжить, он принялся изучать способы продления жизни.

Мысленно кликнув на разделы, он увидел подробности.

Например, в первом пункте — «Тренировка» — сейчас был доступен только комплекс Тайцзицюань.

Цюй Дубянь лишь мельком видел, как его делают старики в парках. Знакомо, но стоит начать самому — и сразу запутаешься. Третий пункт с симпатией тоже не подходил: заставить кого-то полюбить тебя до уровня 60 — дело небыстрое.

Поэтому он сосредоточился на втором.

[Представить очерк о болезни]

[Статус: представлено 0 работ]

[Доступные для симуляции болезни: Лихорадка (Уровни 1, 2, 3)]

[Примечание:]

[1. Длительность симуляции настраивается пользователем, но не может быть менее 24 часов.]

[2. За предоставление очерка со стопроцентной реалистичностью ощущений срок жизни увеличивается на 90 дней. Если реалистичность ниже 100%, срок сокращается пропорционально.]

Это значило, что он должен находиться в состоянии болезни, запоминать ощущения и затем описывать их. Минимум — сутки мучений.

Реалистичность можно было убавить, но тогда и награда стала бы меньше.

Например, если поставить 80%, страдать будет легче, но и жизни прибавится лишь 72 дня (90 × 0,8).

Цюй Дубянь осторожно выбрал [Лихорадка — Уровень 1], поставил минимальное время — одни сутки — и стопроцентную реалистичность.

Насмотревшись на блеск и нищету в прошлой жизни и умерев так рано, он теперь был одержим идеей просто жить. Подумаешь, немного помучиться.

Но тут выяснилось, что проклятый «Очерк» нельзя написать мысленно. Его нужно было писать от руки, да ещё и иероглифами династии Чжоу, хотя в самом интерфейсе всё отображалось знакомыми ему знаками!

Но ведь...

В этом забытом богом дворце Цзюйань порой и еды-то не хватало, не говоря уже о бумаге, туши и кистях!

«Почему, чёрт возьми, эта железка не предупредила заранее?! Почему сообщение выскочило только тогда, когда моё тело начало гореть от жара?!»

Выругавшись про себя, он снова бессильно повалился на подушки.

В Цзюйань было так пусто, что даже крысы обходили это место стороной. Единственным человеком, кто заботился о принце, был евнух Е Сяюань.

Е Сяюаню было около пятнадцати-шестнадцати лет. В своё время он получил милость от матери маленького принца и, будучи человеком благодарным, помнил это добро. Если бы не он, принц не дожил бы и до двух лет, не говоря уже о том, чтобы дотянуть до момента вселения новой души.

Сяюань был очень внимателен. Он заметил неладное почти сразу, как только у мальчика начался жар.

В императорском дворце лихорадка у маленьких детей часто заканчивалась смертью. Дрожащими руками он укутал Цюй Дубяня в толстое одеяло и, бледный как полотно, побежал вымалывать лекарство.

Промучившись полдня, он всё же влил снадобье в принца, но успокоиться не мог — так и сидел рядом, не отходя ни на шаг.

Цюй Дубянь же, поняв, что очерк написать не удастся, выкрутил реалистичность на ноль. Поэтому, хоть его тело и пылало, а слабость лишала сил, сам он не чувствовал никакой боли или дискомфорта.

Разве что спать хотелось нещадно — детское тело было слишком слабым.

До конца симуляции [Лихорадка — Уровень 1] оставалось 18 часов и 36 минут. В таком

состоянии он вряд ли мог что-то предпринять.

Цюй Дубянь перекатывал во рту кусочек сахара, стараясь прогнать горечь, и отсутствующим взглядом смотрел в балдахин кровати.

«Жаль, в этом симуляторе нет функции просмотра сериалов»

Е Сяююаню же казалось, что принц бредит. Он осторожно подошёл, поправил одеяло и заговорил ласковым, тихим голосом:

— Маленький принц хочет спать, спите... Хотите, я спою вам?

Цюй Дубянь пробормотал из последних сил:

— Спутник Е... Что на обед...

— Не знаю ещё, — отозвался Сяююань. — Схожу попозже на Большую кухню, посмотрю. Вы проголодались?

— Немного.

В скудных воспоминаниях этого тела почти не было вкусной еды. Но сейчас его больше заботила собственная жизнь. Если не найти выход, через два дня срок выйдет, и всё закончится.

И тут Е Сяююань услышал тихий шёпот своего господина:

— Когда пойдёшь... спроси... нет ли среди слуг кого, кто знает Тайцзицюань.

Сяююань замер. Ему показалось, что у маленького принца от жара совсем мысли спутались.

— Хорошо, — обеспокоенно пообещал он.

Он сидел у кровати, пока Цюй Дубянь не погрузился в глубокий сон.

Опустив голову и плотнее запахнув поношенную одежду, чтобы защититься от ледяного ветра, Е Сяююань поспешил в сторону Большой кухни.

От дворца Цзюйань до неё было приличное расстояние.

По правилам, если принцы и принцессы жили отдельно от своих матерей, Большая кухня должна была присылать им еду трижды в день. Но во дворце «правила» быстро превращались в пустой звук, стоило тебе лишиться опоры. Любая попытка потребовать своё воспринималась как наглость.

Большая кухня отвечала за питание всех обитателей дворца, кроме самого императора — для него работала Императорская кухня.

Сейчас как раз было время, когда слуги из разных палат приходили за обедом. Сяююань пришёл пораньше. Распорядитель, евнух Фу, прищурился и проскрипел своим тонким голосом:

— Ого, как рано. Что-то не припомню за тобой такой прыти.

Е Сяююань согнулся в подобострастном поклоне и заискивающе улыбнулся:

— Ну что вы, уважаемый евнух Фу... Обычно я прихожу последним, когда все господа уже всё заберут. Но маленький принц сильно занемог, вот я и подумал — приду пораньше, чтобы еда не успела остыть.

— Заболел?

— Видать, холода... застудился, — вздохнул Сяююань.

Евнух Фу, конечно, знал о маленьком принце из дворца Цзюйань. Во дворце ни наложницам, ни детям не жилось сладко, если за ними не стояла воля императора.

— Тяжело тебе приходится, — проговорил евнух Фу. — Хотя, может, оно и к лучшему. Детям в этих стенах выжить непросто. Если вдруг... ну, ты понимаешь... ты бы хоть освободился. Где бы ты потом ни оказался, всё будет лучше, чем в этом Цзюйане.

— Спасибо за наставление, гунгун, — ответил Сяююань. — Куда уж мне до вашей прозорливости. Мы, рабы, люди подневольные — куда пошлют, там и служим.

Лесть пришлась евноху Фу по вкусу, а вторые слова отозвались в его собственной душе. На этот раз он не стал чинить препятствий.

— Ладно, скоро у меня тут начнется кутерьма. Забирай сегодняшний обед, да возьми ещё кусок сладкого пирога.

Сяюань рассыпался в благодарностях.

Аккуратно уложив еду и заветный пирог в коробку для припасов, он покинул кухню. Отойдя на приличное расстояние и свернув в безлюдный переулок, он резко изменился в лице.

Он обернулся. Вся подобострастная улыбка исчезла без следа, взгляд стал ледяным. Он с силой сплюнул в сторону Большой кухни.

— Тварь подзаборная... Ты сам сдохнешь, а наш маленький принц будет жить! Его небеса хранят, он сто лет проживёт!

Ему всё ещё было мало, и он сплюнул ещё раз. Но на этот раз холодный воздух попал в горло, и он зашёлся в тяжёлом кашле. Проклиная всё на свете, он крепче прижал к себе коробку с едой и пошёл дальше.

Ветер дул так сильно, что глаза было трудно открыть. На одном из поворотов Сяюань споткнулся обо что-то. Не успел он вскрикнуть, как чья-то ледяная рука мёртвой хваткой вцепилась ему в щиколотку.

— Спаси...

Холодный пот мгновенно выступил на спине Е Сяюаня. Он замер и медленно опустил взгляд.

Это был всего лишь умирающий маленький евнух.

Сяюань с облегчением выдохнул — он-то уже подумал, что привидение встретил.

Каждую зиму во дворце замерзали насмерть служанки и евнухи — дело обычное. Сяюань высвободил ногу и тихо пробормотал:

— Я не смогу тебе помочь. Постарайся в следующей жизни родиться в семье получше.

Он отошёл на несколько шагов, но в голове вдруг всплыло поручение принца. Он не удержался, обернулся и, поколебавшись, подошёл обратно.

— Ты знаешь Тайцзицюань?

— Знаю... знаю...

Маленький евнух вцепился в этот вопрос как в последнюю соломинку. В его чёрных глазах, казалось, вспыхнул огонь жажды жизни.

Е Сяюань на мгновение опешил от этого взгляда.

— Ладно. Считай, повезло тебе.

Он перевесил коробку с едой на локоть, освободив руки, и ухватил лежащего за ворот куртки. С силой рванул.

Сяюань сам был ещё подростком, худым и не слишком сильным. Взвалить кого-то на спину он бы не смог, так что просто тащил маленького евнуха за собой по земле. Он тяжело дышал, словно волочил труп.

— Будешь ты жить или нет — это решит Его Высочество. Я лишь доведу тебя.

Маленький евнух из последних сил цеплялся за сознание. Несколько раз он был на грани обморока, но кусал губы и язык до крови, используя боль как якорь.

Он не хотел умирать.

Маленький евнух старался дышать глубже, преодолевая удушье от натянутого ворота. Он молил лишь об одном: чтобы покои этого Маленького принца оказались поближе, иначе он точно испустит дух по дороге.

Наконец они добрались до дворца Цзюань.

Е Сяюань бросил найдёныша в углу, где не так сильно дуло, и поспешил в дом с коробкой еды.

Для него этот полумёртвый раб не стоил и крошки из обеда принца.

Маленький евнух несколько раз кашлянул и сжался в комок. Он осторожно, дрожащими пальцами вытер грязь с лица рукавом — боялся оскорбить взор благородного господина своей нечистотой.

<http://bllate.org/book/16117/1580389>